

**Экзистенциальный характер «ночной»
поэзии М. Ю. Лермонтова**

Небольшой цикл «ночных» стихотворений М. Ю. Лермонтова «Ночь I», «Ночь II» и «Ночь III» (1830), предметом осмысления в котором становится трагический разлад человека с миром, созданным по воле Бога, вносит существенные коррективы в складывающийся в течение XVIII–XIX вв. поэтический свертхтекст «ночной» поэзии [см.: 8]. Ситуация ночного раздумья с приходом юного поэта в литературу вновь кардинально меняется. По мнению Т. А. Ложковой, благодаря его стихам «пафос страстного размышления приходит на смену пафосу гармонического удовлетворения души», а «мотив “ропота” души против неправильного миропорядка... выводит “ночную” лирику к освоению совершенно иных отношений человека и Космоса» [4, с. 40]. Данный цикл, как и ситуативно и тематически примыкающее к нему стихотворение «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830), уже не раз становился предметом глубокого и всестороннего литературоведческого анализа (Н. Нольман, С. Г. Семенова, С. И. Ермоленко, Т. Т. Уразаева, Т. А. Ложкова и др.). В качестве источника появления данного цикла исследователи называют как «Жалобы» Юнга, так и поэзию Байрона (в частности, две его вещи: «Сон» и «Тьму»). Апокалиптические картины, представленные в произведениях Байрона, частично воссоздаются и Лермонтовым, но в отличие от английского поэта, занимавшего позицию стороннего наблюдателя, Лермонтов в центр своего поэтического повествования помещает себя, связывая гибель мира с собственным физическим концом. Таким образом, традиционная для «ночного» свертхтекста проблема — проблема смерти — в очередной раз оказывается в центре внимания гениального художника, однако ее осмысление у шестнадцатилетнего Лермонтова носит совершенно иной характер, чем у его более взрослых предшественников. Если многие из них рассматривали смерть как переход к новой, настоящей жизни, то в понимании юного поэта это ужасающий путь в мрачную пустоту небытия. Он не верит в бессмертие души, в ее грядущее воскресение, не принимает идею искупления жизни смертью, а потому смерть представляется ему неким противоестественным, даже насильственным актом, не укладывающимся в сознании финалом человеческой жизни.

Создавая в «Ночи I» [3, с. 209–211] сцену встречи своей бессмертной души с ее материальной земной оболочкой, мертвым телом, поэт буквально шокирует читателя натуралистическими подробностями превращения в прах «последнего, единственного друга»:

Кусками синими висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу.

Жуткая картина тления рождает у лирического героя неистовое желание остановить происходящее, осуществление которого за гранью человеческих возможностей: «И я помочь ему желал, но тщетно — / Уничтоженья быстрые следы текли по нем / ...В гробу был прах и больше ничего». Безуспешные попытки оживить мертвое тело впервые заставляют героя отчетливо осознать несовершенство человека: трагическую антиномию его телесной ограниченности и безграничности духа, стремящегося к совершенству. «Юный Лермонтов, — пишет С. Г. Семёнова, — мучительно бьется об узкие пределы земной судьбы; сильнее развитое в нем чувство личности, неподлинности и неразложимости духовно-душевно-телесного единства, включает острое неприятие разрушения этого единства, внутреннюю убежденность, что возможности этой личности безграничны, если бы не роковые материально-природные границы существования» [6, с. 56].

Свое физическое исчезновение и уничтожение собственного «Я» (как, впрочем, и превращение «в ничто» любой человеческой индивидуальности) воспринимается героем Лермонтова как страшная несправедливость, допускаемая Всевышним и заставляющая усомниться в разумности сотворенного им мира и целесообразности посылаемых им страданий и радостей бытия («Как беден тот, кто видит, наконец, / Свое ничтожество и в чьих глазах / Все, для чего трудился долго он, — / На воздух разлетелось...»). Осознание собственной изначальной обреченности и невозможность изменить установленный Высшей волей порядок рождают надлом в мятежной душе героя, а отчаяние, обусловленное собственным бессилием от неспособности противостоять Божественному замыслу, вынуждает его бунтовать:

И мне мелькнула мысль (творенье ада):
Что, если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?
И я хотел излить хулы на небо.

Гораздо более страшную форму этот бунт получает в монологе «Ночь II» [3, с. 213–215], где Лермонтов создает вселяющий ужас аллегорический образ Смерти, имеющей беспредельную власть над мирозданием:

Вот с запада Скелет неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И все трещало под его ногами.

Переживание смерти во втором стихотворении цикла более трагично, нежели в первом. К собственным душевным страданиям героя добавляется еще и требование «определить неизбежный жребий»: выбрать, кто из двух его любимых друзей должен погибнуть. Сама мысль о необходимости такого выбора

кажется герою непереносимой: смерть для него есть выражение предельного зла, загубленности данных при рождении сил, прерванности всех творческих начинаний. Она подводит человека к тому крайнему рубежу его жизни, за которым, согласно лермонтовской художественной философии, пустота:

Как исчезает время,
Так и люди,
Его рожденье — только Бог лишь вечен.

Поэтому и принятое героем решение жестоко: умереть должны оба, невозможно ценой жизни одного человека обеспечить отсрочку гибели для другого:

И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба! Оба!..
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!..»

Иными словами: нет жизни — нет и смерти. Но отрицание перспективы «вечного покоя» после нее и страх «исчезнуть совершенно» становятся источником самых пессимистических настроений лермонтовского человека. Бунт его приобретает инфернальный характер: он уже готов отвергнуть высший дар Творца — жизнь, обесмысленную нелепостью такого конца («Проклятье этому подарку! / Мы без него тебя бы не знавали»), и восстать против Бога, создавшего этот алогичный и неразумный мир:

...Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страхась молиться!..

В бунте лермонтовского героя В. С. Соловьев видел «стрannую форму» «тяжбы поэта с Богом» и «какую-то личную обиду» на него [7, с. 395], а Д. С. Мережковский, напротив, усматривал «религиозно утверждавшую себя непримиримость», родственную «окончательно забытому в христианстве святому богоборчеству» Иакова и Иова. По его мнению, Лермонтов «первым в русской литературе поднял религиозный вопрос о зле», связанный «с глубочайшим вопросом теодицеи, оправдания Бога человеком: “Почему, зачем, откуда зло? Если есть Бог, то как может быть зло? Если есть зло, то как может быть Бог?”» [5, с. 305]. Так или иначе, но мысль о враждебности мира человеку, едва ли не впервые открыто высказанная в цикле «Ночей», будет еще не раз повторяться в произведениях художника («Отрывок», 1830; «Сашка», между 1835–1839).

Исследователи, на протяжении большого исторического периода осмыслившие творчество Лермонтова в отличающихся системах мировоззренческих координат, в разные годы устанавливали и разные причины такого уmonoстроения поэта, усматривая их то в слабости его религиозной веры, то в недостатках социального уклада, то в подражании западной «романтической» моде. Бесспорно, все перечисленное вряд ли можно полностью игнорировать, однако думается, что

основные причины трагического жизнечувствования поэта не только религиозные или социальные, но и онтологические, коренящиеся в изменившемся сознании русского человека лермонтовского поколения, что было показано Г. А. Флоровским в труде «Пути русского богословия». Именно на рубеже 20–30-х гг. XIX в., по мнению философа, «в сомнениях и муках выходит сознание из безразличного покоя непосредственной жизни, подымается над житейской суетою, — и мир оказывается для него мыслительной загадкой или вопросом» [10, с. 234].

Однако самой большой загадкой в этом изменившемся мире становится для человека истинное содержание его собственной души, темные колодцы и коридоры которой внезапно открылись ему. По словам Е. Н. Трубецкого, сознание, каковым в отличие от животного обладает человек, превращает его в «единственное на земле существо, могущее принять откровение мысли безусловной... и сочетаться с Богом... узами сознательной духовной солидарности», но «именно сознание свободного, самоопределяющегося существа вносит в мир новую возможность бунта и сопротивления», и потому только «человеку доступны сатанинские глубины сознательного отрицания и богоборчества» [9, с. 134–137]. Задолго до Е. Н. Трубецкого эта мысль была поэтически сформулирована гением Лермонтова:

Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
несчастья происходят оттого.

(«1831 июня 11 дня») [3, с. 353]

Не прекращающаяся ни на минуту в душе лермонтовского героя борьба «священного с порочным» рождает особое внутреннее состояние, когда «жизнь ненавистна, но и смерть страшна», которое сам поэт называет «сумерками души». «Сумерки души» порождены не только амбивалентностью человеческой природы и пониманием своей изначальной чуждости мирозданию, но и осознанием невозможности до конца реализовать собственные силы в кратком времени быстротекущей жизни, непросветленностью души взыскующей «света, взлета, завершения и осуществления своего назначения», но беспрерывно ощущающей «ничтожество, пустоту и тленность этого мира» [1, с. 50]. Попытка прорыва к иной, осмысленной жизни через сильное чувство, героический поступок, творческий порыв только усугубляет эту тоску, обнаруживая онтологическую обреченность человека на одиночество и обнажая тщетность и суетность его исканий. Поэтому в поэзии Лермонтова понятие «сумерки» выступает эквивалентом состояния незащищенности, безысходности, отчаяния, смятения и страха, не оставляющего надежды на лучшее («...Если даже тот, / Кому счастливый небом дан удел / В уме своем минувшее пройдет, / Увидит он, что мог счастливей быть, / Когда бы не сумела отравить / Судьба его надежды» — «1831-го июня 11 дня»). Это же дисгармоничное состояние сознания нашло отражение во всех стихотворениях его «ночного» цикла, и именно им обусловлены жуткие видения и страшные сны, составившие содержание двух первых «Ночей».

Ни в «Ночи I», ни в «Ночи II» «проблема “Я и Смерть”» (выражение С. И. Ермоленко) так и не будет решена. «Вероятно, она и не могла быть решена: слишком уж сосредоточен лирический герой на себе самом, — пишет С. И. Ермоленко. — ... Слишком много личного приносит он в решение главного вопроса бытия, требующее некоей отстраненности от субъективной заинтересованности “Я”. И потому истина ускользает, делая неизбежными дальнейшие раздумья лирического героя» [2, с. 102]. Зато в напряженном умственном диалоге с самим собою герою открываются истоки глубинных потребностей человеческого естества, мятежного начала, с рождения вложенного в его душу. Лермонтов одним из первых в русской поэзии не только почувствовал двойственность натуры мыслящей личности, но и попытался осмыслить причины ее трагического миропонимания.

На наш взгляд, форма, в которой определяет себя «ночное» сознание в упомянутых выше произведениях, может быть названа *экзистенциальной*. Предельная, по сути, ситуация понимания собственного непрерывного движения к смерти и в общем-то стандартное для ночного размышления состояние одиночества, подкрепленное ощущением богооставленности и воспринимаемое как одиночество онтологическое, создают условия для манифестации «ночного» сознания именно в этой форме.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М., 1994.
2. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург, 1996.
3. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1965.
4. Ложкова Т. А. «Ночная» лирика М. Ю. Лермонтова: традиции и новаторство // Лермонтовские чтения : Материалы зональной науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 33–41.
5. Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. СПб. ; М., 1911.
6. Семенова С. Г. Преодоление трагедии: «вечные вопросы» в литературе. М., 1989.
7. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
8. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
9. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.
10. Флоровский Г. А. Пути русского богословия. Париж, 1983.